Валерий ШАРАПОВ

СВИДЕТЕЛИ умирают первыми

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Свидетели умирают первыми / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-248564-0

1986 год. Майору КГБ Глебу Рокотову поручено изучить архивные дела начала шестидесятых годов. Неожиданно в одном из дел он встречает имя друга своей семьи – Виктора Бармина, в прошлом офицера КГБ, ныне – чиновника Госплана СССР. Тот был причастен к громкому процессу 1962 года об измене Родине одного из военных. Глеб не верит, что Бармин предатель. Он берется выяснить правду, находит участника тех событий, но не успевает переговорить с ним, свидетеля убирают. Рокотов понимает, что кто-то не хочет, чтобы он докопался до истинной роли Бармина. Майор чувствует, как стремительно сжимается вокруг него смертельное кольцо...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248564-0

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Информация пришла накануне вечером. Старый осведомитель по кличке «Гертруда» вышел на связь через условленный канал — объявление в «вечерке» с пометкой «Продам букинистику». Рокотов приехал на встречу в Сокольники, направился к киоску с выразительной табличкой «Пива нет», постучал в окошко условным стуком. Пива действительно не было (иначе тут выстроился бы весь район), но информация поступила. Он выслушал привычный шепот из темноты ларька: «Завтра, время не знаю, Марьина Роща, 3-я улица Парковая, дом 17, квартира 42. Курьер из торгпредства, при нем будут документы — старые, но актуальные. Почерк Пенькова. Мужик, нет пива — русским языком же написано! Завтра приходи!»

Глеб поблагодарил за информацию, удалился. В отдалении сел на лавочку, понаблюдал за киоском. На него с интересом уставилась помятая дама, сидящая на другом краю скамьи — ну а что, мужчина видный, жилистый, с аристократической бледностью на лице. Явно воспитан — может, и не пошлет, если

стрельнешь рубль на опохмел. Осведомитель с чудным псевдонимом «Гертруда» вышел из ларька минуты через четыре — с банкой пива в авоське, которого нет. На аллею не выходил, ушел по «народной тропе» в кусты акации. Через минуту в ларек с обратной стороны вошел другой товарищ. Осведомитель явно перерос себя, заслуживал большего. Но уж точно не личного кабинета на Лубянке.

Мятая дама, сидящая по соседству, наконец решилась, стала как-то подъезжать, используя пятую точку и нижние конечности.

— Молодой человек, прошу прощения, что отвлекаю, но вы такой...

Майору 2-го Главного Управления КГБ СССР недавно исполнилось тридцать пять. Не такой уж молодой.

— Мадам, вы тоже чрезвычайно привлекательны, но по субботам я не подаю, — отозвался Глеб словами великого комбинатора. — Или вы меня, прошу прощения, клеите?

Он поднялся и ушел, стараясь не смотреть в ее сторону. Выход из парка венчал выцветший плакат, утверждающий, что партия — все еще ум, честь и совесть нашей эпохи.

Назавтра было 14 сентября 1986 года от Рождества Христова — воскресный день, работать лень. Но кто особо интересуется мнением большинства? Несколько раз мелькнула недоуменная мысль: что имел в виду осведомитель под «почерком Пенькова»? Загадками

разговариваем, товарищ «Гертруда»? Фамилия, которая в управлении не звучала уже лет двадцать. Но это были азы. Их проходили даже в Высшей школе КГБ, где Глеб Рокотов имел честь обучаться. Пеньков — полковник ГРУ, шпион, предатель родины, передававший на Запад секретную информацию. Пойман в октябре 62-го, расстрелян в мае 63-го. Не лучшая страница в боевой летописи ведомства, но такое, к сожалению, случается. Что это было? Это могло быть все что угодно — например ничего.

Курьер оказался молодым, лет тридцати, с нервным тиком в левом глазу. Отзывался на имя Юрий, фамилия Табачников. Он работал в торгпредстве СССР в Великобритании, занимался закупками медицинского оборудования, а в данный момент находился в отпуске на родине. При курьере нашли папку с копиями старых докладных записок, адресованных в ЦРУ и датированных 61-м и 62-м годами. Было там еще что-то, но именно это в первую очередь привлекло внимание. Почерк действительно напоминал пеньковский — размашистый, с длинными хвостами у букв «р» и «у».

На память Рокотов не жаловался, а в школе, где обучали основам контрразведки, любили пользоваться фильмоскопами и слайд-проекторами. Данные записи были не совсем секретные, но кому-то ведь понадобились? И кто-то явно имел доступ к старым архивам.

Захват прошел чисто, почти по учебнику. Одиннадцать утра, подъезд кирпичной семиэтажки, шес-

той этаж. Двое в штатском — Рокотов и светловолосый капитан Вернер, усердно делающий серьезное лицо, взяли Табачникова прямо у лифта — под белы ручки, тепленького. Он только вышел из громоздкого зарешеченного лифта, направился к квартире — а тут эти двое. «Комитет государственной безопасности. Вы задержаны, гражданин Табачников». Этого парня чуть апоплексический удар не хватил. Побелел как мел, руки обвисли. Вернер перехватил портфель из ослабшей конечности. Быстро оттеснили курьера в соседнюю квартиру, из которой временно убрали жильцов. Курьер спотыкался, лепетал, что он ни в чем не виноват, что будет жаловаться, что это какой-то безосновательный произвол. Как будто существует обоснованный произвол! В прихожей под портретом молодого Юрия Антонова с гитарой сидела на табуретке капитан Рита Комиссарова — высокая, худая, черненькая — и заполняла протокол задержания.

— Входи, милый, — она радушно улыбнулась Табачникову. — Располагайся. Подпиши, — она протянула задержанному папку, на которой лежал бланк, и шариковую ручку. Ткнула пальцем, где именно подписать.

— Что это? — убитым голосом спросил Табачников.

— Тебе лучше не знать, милый, — проворковала Рита. — Ты подписывай, подписывай, скоро узнаешь. И лучше не ерепенься, не отягощай свое положение.

Задержанный поставил подпись трясущейся рукой.

— Послушайте, я ничего не понимаю... — У парня срывался голос, он готов был свалиться в обморок от страха. — Я ничего не знаю, ничего не делал... Мне просто это дали, попросили передать...

— Кто дал? Кому передать? — поинтересовался Рокотов.

Задержанный скорчил жалобную мину.

— Не могу сказать, меня просили не называть имя...

Детский сад какой-то. Рита Комиссарова усердно морщила нос, чтобы не рассмеяться. Ладно, не к спеху, будет время и место для допроса. На задержанного надели браслеты, извлекли из кармана ключи от квартиры. Табачников остался под присмотром Вернера, остальные пересекли лестничную площадку, подошли к квартире номер 42. Здесь и проживал Табачников. Во всяком случае, был здесь прописан. Квартира небольшая, двухкомнатная, осторожно обошли — все чисто. Жены и детей у задержанного не было, родители, потомственные геологи, проживали далеко на севере.

— Даже скучно, товарищ майор, — вздохнула Рита. — Все тихо, мирно, курьер не сопротивляется ввиду своей тонкой душевной организации...

— Сплюнь, — проворчал Рокотов. — Под пулями давно не бегали? Чекистской романтики захотелось?

— Ни в коем случае, — помотала головой Рита. — Это что же получается, Глеб Захарович? Табачников успел с кем-то встретиться, вернулся домой...

— Пасти его было бы опасно, — перебил Глеб. — Может скрыться, может скинуть груз. Добрался сам — и молодец. Думаешь, не скажет, кто ему передал бумаги? Еще как скажет — раз его организация такая тонкая и душевная. А также кому передаст. Но это понятно — серьезным людям, родной язык у которых английский. Табачников, увы, никто, всего лишь курьер. Но кое-что знать может... Так, не будем терять время, нам еще обыск проводить.

Они вернулись в квартиру, где томился задержанный. Вернер курил у открытой форточки. Табачников с понурым видом сидел на стуле, руки были скованы наручниками. Он не качал права, не пытался выброситься в окно.

— Хороший мальчик, — похвалила Рита и стала укладывать в папку свои листочки. — Так, — рассердилась она, — опять ручка? Кто взял мою ручку? Почему всегда одно и то же? Милый, это ты? — она въедливо уставилась на курьера. У Риты были красивые карие глаза, но иногда они становились холодными и колючими. — Что-то не помню, чтобы ты ее возвращал. И ты туда же? А, прости, вот она, — Рита извлекла свою ручку из корешка папки.

Хохотнул Вернер. Задержанный смотрел на своих мучителей мутными глазами, не понимая, что от него хотят. Рокотов подал знак. Вернер взял задержанного под локоть — тот задрожал, словно его уже ставили к стенке. Пришлось применить силу. Вся компания перебралась в квартиру Табачникова. Курьер сидел

на стуле в углу, изображал великомученика. Родные стены не помогали. Такие, как правило, раскалываются на первом же допросе.

Понятых Рита привела минут через десять. Пара пенсионеров из соседней квартиры — оба в очках, оба оробевшие, с покаянными минами — как будто это их арестовали. Мужчина лет пятидесяти, кряхтя, взбирался с авоськой по лестнице — сосед с верхнего этажа возвращался из магазина. Именно в этот отрезок времени перестал работать лифт — впрочем, стоит ли удивляться коммунальным причудам? Стать понятым товарищ не возражал, безропотно последовал за Ритой.

Они стояли кучкой, с любопытством озирались, поглядывали на задержанного. Тот втянул голову в плечи, смотрел в пол. Глеб представился, показал удостоверение, сообщил, что гражданам надо поставить подписи в протоколе задержания. А еще в их присутствии будет произведен обыск. Органы постараются не задерживать граждан, но те должны потерпеть, проявить, так сказать, гражданскую сознательность. Никто не возражал.

— Юра, что происходит? — прошептал пенсионер. — Почему ты в наручниках?

Табачников не ответил, он словно не слышал вопроса.

— Так надо, гражданин, — сухо отозвался Рокотов. — Обратите внимание на этот портфель, — Глеб продемонстрировал всем открытый аксессуар. —

Сейчас в вашем присутствии мы извлечем из него то, что там лежит...

В этот момент он и заметил нечто странное. Насторожился, подобрался. Пенсионеры вели себя адекватно — как положено случайным гражданам в такую минуту. Проявляли робость, любопытство, хотя и воздерживались от вопросов. Но это и понятно: люди, умудренные сединами, в СССР прожили всю жизнь. Мужик же с авоськой в сером пальто выглядел каким-то спокойным — даже чересчур спокойным. Стоял с таким видом, словно ждал трамвая. Но трамваи здесь не ходили. Из авоськи торчали бутылка кефира, белый батон и буханка черного хлеба. Он явно чего-то ждал...

Показалось? Но нет, глаза стрельнули в сторону задержанного, вернулись на исходную. Теперь он стоял особняком, пальто было расстегнуто. Такое ощущение, словно должен что-то сделать, подобрался...

Глеб выразительно покосился на Вернера. Тот, кажется, понял, тоже стрельнул глазами. Приятно работать с понимающими людьми... Взгляды майора и субъекта пересеклись. Тот тоже все понял, раздражение мелькнуло в скуластом лице. Он выхватил пистолет из-под полы пальто — очевидно, там был пришит специальный карман. Оружие короткоствольное, но с навернутым глушителем! Чистильщик — специально обученный человек, устраняющий неловкости других и последствия провалов! Испуганно заверещал Табачников. Ахнули пенсионеры — мужчина непро-

извольно прикрыл собой супругу. Молодец, товарищ... Метнулись с Вернером одновременно, с двух сторон. Глеб ударил по руке — она взлетела вверх. Выстрел произошел — не такой уж впечатляющий хлопок, пуля ушла выше, метко сбила гардину, прикрученную к потолку, и вся конструкция обвалилась вместе со шторой! Вернер начал выворачивать руку, Рокотов вторую. Изумленно смотрела на происходящее Рита Комиссарова. Накаркали, Маргарита Ивановна?! Теперь не скучно? Этот тип, невзирая на возраст, оказался силен и увертлив. Вернер отлетел к стене, но устоял на ногах. Майор получил локтем под ребро, перехватило дыхание. Каким-то чудом пистолет остался у злоумышленника, но в этой свалке он не мог им воспользоваться.

— Бросить оружие, стреляю! — грозно выкрикнула Рита.

Это не помогло. Злоумышленник быстрее ракеты метнулся к двери, вывалился за порог — опомниться не успели! Рита все же выстрелила. Пуля отколола «лучину» от косяка — длинную, как сабля. Испуганно закричали пенсионеры, забился в припадке Табачников. Оперативники выхватывали табельное оружие, кинулись к дверному проему. Вернер споткнулся об авоську, сделал из нее пинком «крученый мяч». Глеб нырнул в дверной проем первым, бросив на бегу:

— Комиссарова, остаться!

Из подъезда доносился топот, злоумышленник прыгал через ступени. Рокотов выбежал из квар-

тиры, бросился вдоль окрашенного синей краской простенка. Чуть не вырвался к лифту и лестничным пролетам. Сработали тормоза — больше ведь не топали! Опомнился, встал как вкопанный, не добежав до угла, осторожно высунулся. За перилами, на середине следующего пролета, что-то мелькнуло, хлопнул выстрел. Ждал, паршивец! Пуля прошла мимо, выбила кусок штукатурки из стены. Вернер нетерпеливо дышал в затылок — почему задержка? Глеб выбросил руку за угол, дважды выстрелил. Злоумышленник запрыгал дальше. Подъезд потрясенно помалкивал, жильцы попрятались. Ничего себе перестройка с ускорением... Глеб ориентировался по звукам — одолел в три прыжка лестничный марш, помчался дальше. Махнул через перила, чтобы не тратить драгоценные секунды, — боль отдалась в коленных суставах. Не подвела интуиция — встал, дождался выстрела. Снова дважды ответил. Пока размышлял, стоит ли высовывать нос, его в спину пихнул Вернер, перевалился через перила, начал бегло стрелять. Выстрелы в закрытом пространстве болью отдавались в ушах. Снова гонка, но теперь майор выступал аутсайдером. Последние два этажа преступник не останавливался, пролетел их за считаные секунды, хлопнула входная дверь. Просто повезло, что в подъезде не оказалось посторонних. Последнее дело — подставлять под пули гражданских... Вернер первым выскочил в полутемный тамбур, кинулся к входной двери.

— Стой! — Глеб схватил его за плечо, оттащил в сторону. Пнул по двери, она распахнулась, сам отпрыгнул в сторону. Чистильщик находился неподалеку, стрелял в черное чрево подъезда. Визжали, разбегаясь, какие-то девчонки.

— Вот же сука... — процедил сквозь зубы Вернер. — Смотри, что делает, командир...

Все нормально, каждый выполняет свою работу — чему учился... Быстро выглянул, спрятался. Одинокая фигура посреди двора, больше никого. Возникли в проеме одновременно, открыли огонь из двух стволов.

Стрельба была неэффективная, но уму-разуму кое-кого научила. Чистильщик убегал зигзагами, втянув голову, — за несколько секунд добежал до глубокой подворотни в соседний двор, провалился в нее. Контрразведчики уже мчались, рассыпавшись, но у противника была фора. Дыхалка подводила, но ноги пока слушались. Глеб первым добежал до подворотни, ворвался в нее с пистолетом в вытянутой руке. Преступник уже миновал арочный проход, обернулся, сгинул за угол. Патроны закончились? Скорее всего — он шел убирать проваленного курьера, а не вести полевой бой с чекистами... Вернер все же был помоложе на пару-тройку лет, ноги имел здоровее, быстро возглавил гонку, ушел в отрыв. Топот ног глухо отдавался под арочным сводом. Оперативники вынырнули из подворотни. Испуганно шарахнулся молодой велосипедист, отправился

в стенку юзом, а затем сдавленно стал ругаться вслед. Здания здесь имели сложную конфигурацию — неказистые, трехэтажные, изобилующие внутренними углами. Справа, метрах в сорока, начинался переулок, вполне пригодный для проезда автотранспорта, — в него вбежал преступник. Слава богу, заметили в последний момент его сверкающие пятки! Упорно бежали, стараясь сократить расстояние. Влетели в переулок, Вернер при этом чуть не сшиб электрический столб, обнял его, злобно оттолкнул от себя. Переулок был довольно длинный, но без отворотов, завершался выездом на большую дорогу. Преступник улепетывал, несколько раз оглянулся. Его лицо теперь не казалось равнодушным. Побелело, обострилось, пронзительно чернели глаза. Он начинал сдавать — бежал тяжело, его вело то влево, то вправо. Вернер вскинул руку с пистолетом.

— Не стреляй... — прохрипел Рокотов. — У него патроны кончились, так догоним...

— Да я для острастки, командир... — Хлопнул выстрел.

Переулок обрывался. Беглец поднажал, обернулся перед тем, как выскочить на проезжую часть. Это и стало его ошибкой. Он бежал, не сбавляя скорости, миновал предупреждающий дорожный знак «Стоп», повелевающий всем транспортным средствам останавливаться перед выездом на дорогу. На проезжую часть в этот момент он не смотрел. Старый «МАЗ» с высокими стальными бортами сбил его на полном

ходу! Водитель лишь в последний момент обнаружил человека перед капотом, даже тормозить не начал. Контрразведчики встали как вкопанные — ничего себе поворот...

— Охренеть... — с каким-то пиететом пробормотал Вернер. — Как в кино, командир...

Был ли смысл бежать? Но побежали. Дорога в этот час была пуста во все концы — надо же ухитриться попасть под единственный грузовик на дороге... Выбегали осторожно — пример стоял перед глазами, уже и не скажешь, что живой... Это была объездная дорога, часть индустриальной зоны — ее использовал в основном промышленный транспорт. «МАЗ» остановился, сдал к обочине. Из кабины вывалился трясущийся водитель — мелковатый мужичонка лет сорока. Физиономия у него была совершенно белая и перекошенная. Нормальные слова из горла не шли — только междометия и мат. Глеб пробежал мимо него, бросился вдоль бетонного забора, давя жухлый бурьян. Чистильщик пролетел по воздуху метров двадцать и еще столько же катился — крепка же и мощна советская сталь... Он лежал в кювете за правой обочиной — не являясь помехой для транспортных средств. Отчаянно сигналя, в попутном направлении промчался «ЗИЛ» с закрытым кузовом, обдал ядовитым выхлопом. Рокотов стоял над распростертым в бурьяне телом, озадаченно чесал затылок. Чистильщик умер мгновенно, хватило одного удара многотонной махиной. Конечности разбросаны, сломаны позво-